СИГРИД СУОНИ

Я НИЧЕГО ТАКОГО НЕ ГОВОРИЛА

Сигрид Суони

Я ничего такого не говорила

«Автор»
2026

Суони С.

Я ничего такого не говорила / С. Суони — «Автор», 2026

Лив Эйд мертва. Её смерть не похожа на несчастный случай. В последний вечер жизни она собрала одиннадцать человек — тех, кто когда-то был ей близок, кто обязан ей, кто ненавидел её и надеялся больше никогда не встретиться.Среди них была Марта Хольм. Бывшая подруга Лив. Женщина, которая утверждает, что ушла с вечеринки до полуночи и больше её не видела.Но сообщения, фотографии и чужие показания складываются в другую историю. Марта возвращалась в дом. Кто-то был в её пальто. Кто-то лгал о той ночи. А четыре года назад в той же компании уже произошло нечто, о чём все договорились молчать.Чем ближе Марта подбирается к правде, тем меньше уверена в собственных воспоминаниях. Возможно, она скрывает убийство. Возможно, защищает человека, которого давно должна была выдать. А возможно, сама стала частью истории, которую когда-то помогла придумать.Ведь самое страшное не то, что люди лгут. А то, как легко заставить их поверить, что они ничего такого не говорили.

© Суони С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 5. Воскресенье 29
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Сигрид Суони
Я ничего такого не говорила

Глава 1. Все пришли

Я не хотела идти на эту вечеринку.

Это важно уточнить, потому что потом все спрашивали, зачем я пришла, если не хотела. Будто нежелание могло служить доказательством невиновности. Будто человек, который не хочет присутствовать на событии, не способен принять в нём участие. Я не хотела идти, но пришла. Это разные вещи. Взрослые люди постоянно делают то, чего не хотят. Иначе пришлось бы признать, что большая часть нашей жизни состоит из добровольного участия в собственном несчастье.

Лив прислала приглашение за девять дней.

В субботу. У меня дома. Ничего особенного. Будут все.

Я спросила, кто именно.

Она ответила:

Ты же знаешь.

Я знала. Именно поэтому спросила.

В субботу вечером я долго выбирала одежду. Не потому, что хотела понравиться Лив. Я не собиралась ей нравиться. Я просто не хотела, чтобы она могла сказать, будто я пришла в чём попало. У Лив была неприятная привычка замечать такие вещи и произносить их с улыбкой, которая позволяла ей потом утверждать, что это была шутка.

Я надела чёрное платье и серое пальто. Волосы оставила распущенными. Перед выходом проверила, выключен ли утюг, хотя не пользовалась им с утра. Потом вернулась из подъезда, поднялась на второй этаж и проверила ещё раз. Не потому, что забыла. Потому что мне не понравилось, как я посмотрела на розетку в первый раз.

В такси я получила сообщение.

Не опаздывай.

Я не ответила.

Лив жила на Фрогнер, в квартире, которую я всегда считала слишком большой для двух человек. Впрочем, она считала иначе. Лив любила пространство, если оно принадлежало ей. Чужое пространство она воспринимала как временное неудобство.

Когда я приехала, в окнах уже горел свет. На лестничной площадке пахло чужим ужином и дорогими духами. Я позвонила.

Дверь открыла Эмма.

— Марта!

Она обняла меня, не дожидаясь, пока я успею снять пальто. Эмма всегда обнимала людей так, будто ей поручили продемонстрировать дружелюбие перед комиссией.

— Ты пришла.

— Как видишь.

— Я думала, ты не придёшь.

— Почему?

Она посмотрела на меня, потом улыбнулась.

— Не знаю. Просто подумала.

Это была первая ложь вечера. Не самая важная.

Лив появилась из кухни.

— Наконец-то.

Она поцеловала меня в щёку. Её волосы были собраны на затылке, на шее висела тонкая золотая цепочка. Она выглядела прекрасно. Я всегда ненавидела, когда Лив выглядела пре-

красно, потому что тогда мне приходилось тратить дополнительные усилия на то, чтобы не замечать этого.

— Ты опоздала, — сказала она.

— На четыре минуты.

— Я не проверяла.

— Тогда откуда знаешь?

Она засмеялась.

Лив умела смеяться так, что собеседник чувствовал себя обязанным тоже найти что-нибудь смешное. Я не засмеялась. Она задержала на мне взгляд на секунду дольше, чем требовалось, и забрала моё пальто.

— Проходи. Все уже здесь.

Не все. Но почти.

В гостиной стояли бокалы, на кухонном острове лежали тарелки с закусками, возле окна кто-то поставил большую вазу с белыми цветами. Я узнала Йоакима, Сесилию, Хенрика, Руну. Петер разговаривал с Мадсом. Ингеборг сидела на подлокотнике дивана и держала бокал обеими руками, словно ей было холодно.

Я пересчитала их, не двигая губами.

Восемь.

Потом увидела Томаса.

Девять.

Одиннадцать человек, включая меня и Лив. Я знала это заранее. Лив сама написала, что нас будет одиннадцать. Но всё равно пересчитала. Мне хотелось убедиться, что никто не пришёл раньше меня и не успел договориться о чём-то, чего я не знала.

Это, разумеется, было глупо.

Я не могла знать, о чём люди договаривались до моего прихода. И не должна была.

— Марта, — позвал Йоаким.

Он стоял у книжного шкафа с бокалом в руке. Я подошла.

— Как дела?

— Хорошо.

— Всё ещё в издательстве?

— Нет, я теперь занимаюсь разведением комнатных растений.

Он улыбнулся.

— Ты совсем не изменилась.

Это была вторая ложь вечера, хотя, возможно, он верил в неё. Люди часто говорят, что кто-то не изменился, когда не хотят тратить время на выяснение того, каким этот человек стал.

— А ты? — спросила я.

— Всё нормально.

— Прекрасно.

Мы оба остались довольны разговором.

Вскоре Лив позвала всех к столу.

Её муж, Мадс, принёс из кухни ещё одну бутылку. Он был спокойным человеком с мягким голосом и привычкой сначала смотреть на Лив, а потом отвечать на вопросы. Когда-то я считала это проявлением любви. Позже решила, что это осторожность. Теперь мне кажется, что оба объяснения могли быть верными.

— Мы сегодня без тостов, — сказала Лив, когда все расселись. — Я знаю, что некоторые из вас их ненавидят.

— Ты сама их ненавидишь, — заметил Хенрик.

— Я ненавижу плохие тосты.

— А хорошие?

— Хорошие тоже. Просто они реже встречаются.

Все засмеялись.

Лив улыбнулась и подняла бокал.

— За то, что мы всё-таки собрались.

Мы выпили.

Я заметила, что Сесилия не подняла свой бокал сразу. Она смотрела на Лив. Потом на Мадса. Потом всё-таки сделала глоток.

Возможно, она просто задумалась.

Возможно, я уже искала признаки того, что вечер не был обычным.

На столе стояла рыба, запечённая с травами, картофель, салат и несколько блюд, названия которых я не знала. Лив готовила хорошо. Она вообще многое делала хорошо. Это раздражало сильнее, чем если бы она была неумелой. Неумелость можно было бы простить. Компетентность Лив не оставляла удобного повода.

Она рассказывала историю о преподавателе, который однажды назвал собственную лекцию «размышлением о природе тишины» и говорил сорок минут без остановки. Петер перебивал её, добавляя детали. Ингеборг смеялась. Мадс наливал воду.

Я смотрела на Лив и думала, что она специально выбрала эту историю. Лив всегда умела сделать так, чтобы все смеялись одновременно. Это создавало ощущение близости. Люди принимали синхронный смех за взаимопонимание.

Я не смеялась.

— Марта, — сказала Лив.

Я подняла глаза.

— Ты ведь знаешь эту историю?

— Какую?

— Про тишину.

— Кажется, нет.

— Я рассказывала тебе.

— Возможно.

— Ты тогда ещё сказала, что он похож на человека, который боится, что его перестанут замечать.

Я посмотрела на неё.

— Я много чего говорю.

— Да, — ответила Лив. — Иногда даже по делу.

За столом стало тихо. Совсем ненадолго, но достаточно, чтобы я это заметила.

— За это и ценю тебя, — сказала я.

Лив улыбнулась.

— Конечно.

Она не отвела взгляд.

Я могла бы спросить, что именно она имела в виду. Могла бы сделать это спокойно, без раздражения, даже с улыбкой. Но я не спросила. Мне не хотелось начинать разговор, который Лив потом могла бы закончить на своих условиях.

После ужина мы перешли в гостиную. Кто-то включил музыку. Петер и Томас спорили о политике. Руна сидела возле окна, листая телефон. Эмма рассказывала Мадсу что-то вполголоса. Я взяла бокал и встала у книжного шкафа.

Лив подошла ко мне.

— Ты злишься?

— Нет.

— Хорошо.

— А ты хочешь, чтобы я злилась?

Она немного помолчала.

— Я хочу, чтобы ты перестала делать вид, будто между нами ничего нет.

Я посмотрела на неё.

— Между нами?

— Не здесь.

— Тогда зачем ты начала?

— Потому что ты всегда так делаешь.

Она сказала это негромко. Почти ласково. Я почувствовала, как у меня напряглась челюсть.

— Что именно?

— Ждёшь, пока я начну. А потом говоришь, что не время.

Я посмотрела через её плечо. Никто не слушал. Или делал вид, что не слушает.

— Лив, мы можем поговорить в другой день.

Она улыбнулась.

— Вот.

Я поставила бокал на полку.

— Что — вот?

— Ничего.

Она отошла.

Я осталась возле шкафа и смотрела на книги. Среди них стояли мои старые экземпляры, которые я когда-то отдала Лив. На нескольких сохранились карандашные пометки. Я узнала свой почерк. В одном месте было подчёркнуто предложение, которое теперь казалось мне особенно глупым: *Человек всегда может выбрать, что именно он хочет помнить.*

Я закрыла книгу.

Позже, уже ближе к одиннадцати, Лив попросила всех собраться в гостиной.

Она стояла возле окна. В руках у неё был телефон.

— Я хочу кое-что сказать.

— Только не тост, — произнёс Хенрик.

— Нет. Не тост.

Лив посмотрела на каждого из нас.

Я знала этот взгляд. Она использовала его на занятиях, когда хотела, чтобы люди перестали отвлекаться. Сначала смотрела на одного, потом на другого. Не задерживалась надолго. Создавала впечатление, что видит всех сразу.

— Я долго думала, стоит ли это делать, — сказала она. — И решила, что больше не хочу откладывать.

Никто не ответил.

— Я знаю, что вы все меня ненавидите.

Петер усмехнулся.

— Лив, не начинай.

— Просто вы слишком хорошо воспитаны, чтобы сказать об этом вслух.

Она улыбнулась.

Кто-то засмеялся. Кажется, Томас. Или Йоаким. Я не была уверена.

Лив посмотрела на меня.

— Некоторые из вас знают, о чём я говорю. Некоторые предпочитают не знать. Но в субботу мы наконец поговорим.

— Сегодня суббота, — сказала Руна.

— Я имею в виду, что поговорим по-настоящему.

— Мы и так разговариваем, — заметил Мадс.

Лив повернулась к нему.

— Не все разговоры являются разговорами, Мадс.

Он опустил глаза.

Я почувствовала, что мне хочется уйти. Не потому, что я испугалась. Я просто не хотела быть частью этой сцены. Лив снова собирала людей вокруг себя и заставляла их чувствовать, будто они должны что-то ей. Даже сейчас, когда никто не знал, чего именно она хочет.

— Что ты собираешься сделать? — спросила Сесилия.

Лив посмотрела на неё.

— Ничего особенного.

— Тогда зачем всё это?

— Потому что я больше не собираюсь делать вид, что ничего не произошло.

Она положила телефон на стол.

— Я каждому из вас написала. Вы все получили сообщение. Я не собираюсь повторять его сейчас.

Я вспомнила своё.

Я больше не собираюсь делать вид, что ничего не произошло. В субботу мы поговорим.

Тогда я решила, что это касается нас с ней. Теперь мне стало интересно, почему она отправила его всем.

— Ты не можешь просто так собирать людей и угрожать им, — сказал Хенрик.

— Я никому не угрожаю.

— Тогда что ты делаешь?

— Говорю правду.

Это была любимая фраза Лив. Она произносила её так, будто правда была вещью, которую можно было положить на стол, рядом с тарелкой, и предложить каждому взять по кусочку.

Я не верила ей.

Не потому, что считала правду невозможной. А потому, что знала: Лив любила выбирать момент, когда правда причиняла больше всего вреда.

— Я ухожу, — сказала я.

Лив посмотрела на меня.

— Конечно.

— Что это значит?

— Ничего, Марта.

Я взяла пальто.

Эмма подошла ко мне в прихожей.

— Ты правда уходишь?

— Да.

— Может, не надо сейчас?

— Почему?

Она открыла рот, но ничего не сказала.

Я надела пальто. Нашла шарф. Проверила телефон. Было 23:48.

Из гостиной доносилась музыка. Кто-то включил другую песню. Я услышала смех, потом голос Лив.

— Марта!

Я обернулась.

Она стояла в дверях гостиной.

— Ты ведь придёшь завтра?

— Зачем?

— Ты знаешь.

Я посмотрела на неё.

— Нет, Лив. Не знаю.

Она кивнула, будто именно такого ответа и ожидала.

— Тогда до завтра.

Я вышла.

На улице было холодно. Я вызвала такси и ждала под козырьком соседнего подъезда. Через стекло двери я видела свет в квартире Лив. Люди продолжали двигаться по комнатам. Кто-то прошёл мимо окна с бокалом в руке.

Я получила сообщение в 23:56.

Ты опять уходишь.

Я прочитала его дважды.

Потом убрала телефон.

В такси я не плакала, не дрожала и не думала о том, что Лив может сделать с остальными. Я смотрела на освещённые окна и злилась на себя за то, что всё-таки пришла.

Водитель спросил, включить ли музыку.

Я сказала, что не нужно.

Дома я сняла платье, повесила его на спинку стула и умылась. Перед сном посмотрела на телефон.

Нового сообщения не было.

В 00:17 я выключила свет.

В 07:32 следующего утра мне позвонил Мадс.

Я не сразу узнала его голос.

— Марта?

— Да.

Он долго молчал.

— Лив умерла.

Я села на кровати.

— Что?

— Её нашли утром.

Я посмотрела на часы. Потом на платье, которое всё ещё висело на стуле.

— Как?

— Я не знаю.

— Мадс, что случилось?

— Полиция здесь.

Он снова замолчал.

Я услышала на заднем плане чей-то голос. Женский. Потом шаги.

— Ты была вчера, — сказал он.

— Да.

— Ты ушла последней из гостей.

Я не ответила.

— Марта, — произнёс он. — Ты ведь была последней?

Я закрыла глаза.

Я ушла в 23:48.

Я помнила время. Видела его на телефоне. Я помнила такси, дорогу, квартиру, платье на стуле. Помнила всё, что происходило после того, как закрыла за собой дверь.

И всё же мне понадобилось несколько секунд, чтобы ответить.

— Нет, — сказала я. — Я ушла не последней.

Мадс не спросил, кто ушёл после меня.

Я тоже не спросила.

Когда разговор закончился, я ещё долго сидела на кровати. Потом открыла переписку с Лив и нашла последнее сообщение.

Ты опять уходишь.

Я хотела удалить его.

Не знаю почему.

Вместо этого я сделала снимок экрана.

Глава 2. Последняя

В полиции меня спросили, когда я в последний раз видела Лив живой.

Я ответила: около полуночи.

Это был неправильный ответ.

Не потому, что я ошиблась во времени. Я ошиблась в слове «видела». Оно предполагало, что я действительно смотрела на неё. Что запомнила её лицо, положение рук, выражение глаз. Что могла бы описать, как она стояла, куда повернула голову, что делала в последнюю минуту перед тем, как я ушла.

Я ничего этого не помнила.

Я помнила её голос.

Ты ведь придёшь завтра?

И помнила, что мне хотелось ударить её. Не сильно. Не так, чтобы она упала. Просто достаточно, чтобы она наконец перестала говорить со мной этим голосом.

Я сказала полицейскому, что ушла в 23:48.

Он записал.

Потом спросил, откуда я так точно знаю время.

Я ответила, что посмотрела на телефон перед выходом.

Он спросил, сохранилось ли сообщение.

Я сказала, что да.

Он попросил показать.

Я показала.

Он прочитал.

Ты опять уходишь.

— Что она имела в виду? — спросил он.

— Не знаю.

Он посмотрел на меня.

Я поняла, что это прозвучало неправдоподобно. Люди редко пишут сообщения, смысл которых неясен адресату. Хотя это не совсем так. Иногда люди пишут именно для того, чтобы смысл оставался неясным. Чтобы собеседник был вынужден додумывать. Чтобы он провёл ночь, перебирая возможные значения, и к утру уже сам сделал то, чего от него хотели.

Я не сказала этого полицейскому.

— Вы с ней поссорились? — спросил он.

— Мы давно не были близки.

— Это не ответ.

— Да. Мы поссорились.

— Из-за чего?

Я посмотрела на него.

— Вы хотите короткую версию или ту, в которой придётся объяснять последние десять лет?

Он не улыбнулся.

Я тоже.

Его звали Эспен Ли. Он представился, когда мы сели в небольшом кабинете на первом этаже участка. На вид ему было около пятидесяти. Он носил светлую рубашку с закатанными

рукавами и говорил без особой выразительности. У него был блокнот, ручка и привычка смотреть на человека после каждого ответа, словно он ждал, когда тот сам исправит сказанное.

Я не любила таких людей.

Не потому, что они были плохими. Потому что молчание в их исполнении превращалось в инструмент. Они не задавали следующий вопрос, не помогали, не уточняли. Просто оставляли перед тобой пустое место и ждали, что ты начнёшь его заполнять.

— Что произошло между вами? — спросил он.

— Многое.

— Например?

Я могла рассказать о квартире в Грюнерлёкке, которую мы снимали в двадцать три года. О том, как Лив однажды пригласила к нам людей, не спросив меня, а потом сказала, что я слишком замкнутая. О том, как она одолжила мои деньги и вернула их через полгода, когда я уже перестала спрашивать. О том, как она однажды прочитала вслух моё письмо, которое я оставила на столе. О том, как после этого мы не разговаривали три месяца, а потом она пришла ко мне с цветами и сказала, что не понимает, почему я так остро реагирую на обычные вещи.

Я могла рассказать, что иногда любила её.

Это было бы самым неприятным.

— Мы перестали доверять друг другу, — сказала я.

— Почему?

— Потому что она не умела хранить чужие секреты.

Эспен записал.

— А вы умели?

Я посмотрела на него.

— Что?

— Хранить секреты.

— Да.

Он поднял глаза.

Я почувствовала раздражение. Не потому, что вопрос был несправедливым. Он был вполне справедливым. Именно поэтому.

— Я не обсуждала личные вещи Лив с посторонними, — сказала я.

— Я не спрашивал, обсуждали ли вы.

— Тогда я не понимаю вопроса.

— Я спрашиваю, умели ли вы хранить секреты.

— Да.

Он кивнул и что-то записал.

Мне захотелось посмотреть, что именно.

Лив нашли в гостиной.

Мадс сообщил об этом в семь двадцать утра. По его словам, он проснулся около шести, спустился вниз и увидел её возле дивана. Он не стал сразу подходить. Сначала позвал. Потом увидел, что она не отвечает, и вызвал скорую помощь.

Я узнала об этом не от полиции, а от него. Впрочем, он мог и не знать, что именно видел. Он был мужем Лив, а не следователем. Я старалась напоминать себе об этом, хотя мне не нравилось, как легко он произнёс её имя по телефону. Не дрогнул. Не закричал. Не спросил, помню ли я вчерашний вечер.

Возможно, люди по-разному реагируют на смерть близких.

Возможно, Мадс уже знал, что Лив умрёт.

Я тут же остановила эту мысль.

Это было несправедливо.

И совершенно не мешало мне продолжать её обдумывать.

— Вы знаете, кто ещё оставался в доме после вашего ухода? — спросил Эспен.

— Нет.

— Вы уверены?

— Я не проверяла, кто именно оставался.

— Но вы видели остальных перед уходом?

— Некоторые были в гостиной. Эмма была в прихожей.

— А Лив?

— Она стояла в дверях гостиной.

— Одна?

— Да.

— Мадс?

— Не помню.

— Вы не помните, был ли там муж женщины, с которой вы только что разговаривали?

Я посмотрела на него.

— Я не составляла список присутствующих.

— Но вы считали гостей, когда пришли.

Я не сразу ответила.

Вот это мне не понравилось.

— Кто вам сказал?

— Вы упомянули одиннадцать человек в первом разговоре с коллегой.

Я вспомнила. Когда приехала полиция, я стояла в прихожей, а кто-то спросил, сколько человек было на вечеринке. Я ответила, что одиннадцать. Это было очевидно. Лив сама говорила об этом.

— Я знала, сколько нас должно было быть.

— Вы пересчитали?

— Возможно.

— Зачем?

— Не знаю. Привычка.

— Вы часто считаете людей?

— Нет.

Он записал что-то ещё.

Я решила, что больше не буду отвечать на вопросы, которые не имеют отношения к делу.

Это решение продержалось около сорока секунд.

— Вы сказали, что Лив хотела поговорить с вами на следующий день, — продолжил Эспен. — Что она имела в виду?

— Не знаю.

— Вы уже говорили об этом.

— Тогда зачем спрашиваете снова?

— Иногда люди вспоминают что-то, когда вопрос задают иначе.

Я посмотрела на него.

— Она часто говорила, что нам нужно поговорить.

— О чём?

— О нас.

— Что это значит?

— Не знаю.

Он отложил ручку.

— Марта, вы довольно часто говорите, что не знаете.

— Потому что я не знаю.

— Но при этом у вас есть предположения.

Я почувствовала, что краснею.

Это было неприятно. Я не любила, когда тело выдавало меня раньше, чем я успевала решить, что именно чувствую.

— Конечно, есть. У всех есть предположения.

— Какие у вас?

Я могла сказать, что Лив шантажировала кого-то. Что она собрала всех не просто так. Что её слова за столом были не шуткой и не попыткой устроить драматическую сцену. Она хотела, чтобы мы испугались. Или чтобы мы почувствовали себя виноватыми. Возможно, и то и другое.

Но я не знала, почему она выбрала именно эту ночь.

— Думаю, она хотела что-то рассказать, — сказала я.

— Что именно?

— Если бы я знала, мы бы не сидели здесь.

Эспен снова посмотрел на меня.

Я поняла, что начинаю ему не нравиться.

Это было взаимно.

После разговора он попросил меня подождать.

Я сидела в коридоре и смотрела на плакат о домашнем насилии. На нём была изображена женщина, которая смотрела прямо перед собой. Подпись гласила: «Ты не обязана молчать».

Мне захотелось спросить, кто придумал эту фразу и сколько ему заплатили.

Потом я подумала о Лив.

Она тоже не хотела молчать.

Возможно, это было последнее, что мы знали о ней наверняка.

Телефон завибрировал. Сообщение от Ингеборг.

Ты уже говорила с полицией?

Я ответила:

Да.

Она написала почти сразу:

Что они спрашивали?

Я посмотрела на экран.

Потом набрала:

Обычные вещи.

И удалила.

Про вчерашний вечер.

Отправила.

Она позвонила.

— Марта, как ты?

— Нормально.

— Это ужасно.

— Да.

— Я до сих пор не могу поверить.

— Я тоже.

Она помолчала.

— Ты ведь ушла раньше всех?

Я закрыла глаза.

Вот оно.

Не «как ты». Не «что случилось». Не «ты видела её последней».

Ты ведь ушла раньше всех?

— Почему ты спрашиваешь?

— Просто. Я видела, как ты уходила.
— Ты тоже ушла?
— Да.
— Когда?
— Не знаю. Поздно.
— До меня?
Она замолчала.
— Наверное.
Я почувствовала, что держу телефон слишком крепко.
— Ингеборг, ты была там, когда я уходила?
— Кажется, да.
— Ты видела меня в прихожей?
— Да.
— С кем я разговаривала?
— Не помню.
— Ты только что сказала, что видела, как я уходила.
— Марта, я не могу помнить каждую мелочь.
— Я тоже.
Она вздохнула.
— Ты не должна так разговаривать со мной.
Я чуть не рассмеялась.
Лив умерла меньше суток назад, а Ингеборг уже успела объяснить мне, как именно я должна с ней разговаривать.
— Хорошо, — сказала я. — Извини.
— Я просто переживаю.
— Я понимаю.
Мы попрощались.
Я посмотрела на журнал вызовов. Разговор длился четыре минуты и двенадцать секунд.
Мне не нравилось, что я это заметила.
Эспен вернулся с другим полицейским. Тот был моложе, представился как Кристиан и почти не говорил. Он сел рядом с Эспеном, открыл ноутбук и спросил, можно ли посмотреть мой телефон.
— Зачем?
— Мы хотели бы сохранить сообщения от Лив и уточнить время их получения.
— Вы можете посмотреть переписку при мне.
— Разумеется.
Я разблокировала телефон.
Эспен пролистал сообщения. Я смотрела на его руки. Он не торопился, но и не задерживался на отдельных фразах. Иногда останавливался, возвращался назад.
— Вы давно не переписывались? — спросил он.
— Мы общались редко.
— Последнее сообщение до вчерашнего дня было три недели назад.
— Да.
— Она писала вам первой?
— Обычно.
— А вы отвечали?
— Иногда.
Он посмотрел на меня.
— Почему иногда?

Я пожала плечами.

— Не всегда было что ответить.

— Она часто писала вам о том, что хочет поговорить?

— Да.

— А вы?

— Что я?

— Вы хотели поговорить с ней?

Я посмотрела на экран.

Там были сообщения, которые я не открывала. Некоторые — по нескольку дней. Одно — почти месяц.

Ты можешь хотя бы написать, что прочитала?

Марта, я не хочу опять выяснять всё по телефону.

Я не понимаю, почему ты делаешь вид, что меня нет.

Я помнила каждое из них.

— Не всегда, — сказала я.

— Почему?

— Потому что не хотела.

Он кивнул.

Я ждала следующего вопроса.

— Вы говорили, что Лив не умела хранить секреты. Она раскрывала ваши секреты?

— Да.

— Какие?

— Личные.

— Кому?

— Разным людям.

— Например?

Я посмотрела на него.

— Вы действительно хотите, чтобы я сейчас перечисляла всё, что моя подруга говорила обо мне за последние десять лет?

— Я хочу понять, почему вы перестали общаться.

— Я уже объяснила.

— Не совсем.

Я почувствовала усталость.

Не от вопросов. От необходимости выбирать между тем, что было правдой, и тем, что можно было произнести.

— Она рассказывала другим людям то, что я говорила ей наедине, — сказала я. — Иногда меняла детали. Иногда добавляла то, чего не было. Ей нравилось, когда люди смотрели на неё с удивлением. Она умела рассказывать истории так, что человек, о котором шла речь, начинал выглядеть глупо.

— Вы считаете, она делала это намеренно?

— Да.

— Почему?

— Ей нравилось внимание.

Эспен записал.

— Вы её ненавидели?

Я посмотрела на него.

— Нет.

Он ждал.

— Я не знаю, — добавила я.

Это было ближе к правде.

Из участка я вышла после трёх часов дня.

На улице было светло, хотя солнце почти не появлялось. Осло выглядел обычным. Люди переходили дорогу, трамвай останавливался у платформы, мужчина в красной куртке ругался по телефону. В витрине пекарни стояли булочки с корицей.

Мне показалось оскорбительным, что город продолжал работать.

Я зашла в кафе на Хегдехаугсвейен и заказала кофе. Села у окна. Через несколько минут телефон снова завибрировал.

На этот раз написал Томас.

Нам нужно поговорить.

Я посмотрела на сообщение.

Потом пришло второе:

Ты ведь ничего не сказала им?

Я не ответила.

Томас позвонил.

Я позволила телефону прозвенеть до конца.

Через минуту он написал:

Марта, это важно.

Я набрала:

Что именно?

Он ответил не сразу.

То, что Лив собиралась рассказать.

Я перечитала.

Что она собиралась рассказать?

Три точки появились, исчезли, появились снова.

Потом он написал:

Не здесь.

Я положила телефон экраном вниз.

Мне хотелось позвонить ему. Спросить, что он знает. Что Лив сказала ему. Почему он боится. Но я не позвонила.

Я знала Томаса достаточно хорошо, чтобы понимать: если он не хочет говорить, значит, либо ему нечего сказать, либо он хочет, чтобы я сама пришла к нужному выводу.

Я не собиралась помогать ему.

Кофе оказался слишком горячим. Я всё равно выпила половину.

Потом открыла переписку с Лив.

Прокрутила вверх.

Нашла сообщение, отправленное за девять дней до вечеринки.

В субботу. У меня дома. Ничего особенного. Будут все.

Я задержала палец над экраном.

Лив знала, что я не люблю людей, которых собирают под предлогом ничего особенного. Она знала, что я ненавижу сюрпризы. Знала, что я не приду, если мне прямо скажут, что хотят устроить разборки.

Поэтому написала, что ничего особенного.

Я могла бы не приходить.

Могла бы сказать, что занята.

Могла бы не отвечать.

Но я пришла.

И теперь мне казалось, что Лив именно этого и хотела.

Не просто чтобы я появилась в её доме.

Чтобы я потом не могла сказать, что не знала, куда и зачем пришла.

Вечером я снова открыла снимок экрана с последним сообщением.

Ты опять уходишь.

Я увеличила изображение, хотя в этом не было необходимости.

Под сообщением стояло время: 23:56.

Я ушла в 23:48.

Восемь минут.

Я помнила, что получила сообщение уже в такси. Но не могла точно сказать, сколько времени прошло между тем, как я вышла из дома, и тем, как открыла его. Возможно, я увидела его сразу. Возможно, телефон завибрировал ещё в прихожей, когда я надевала пальто. Возможно, Лив отправила его, пока я стояла перед ней.

Я снова посмотрела на время.

23:56.

Если сообщение было отправлено в 23:56, я уже ушла.

Это было важно.

Почему — я не знала.

Я открыла список сообщений и увидела, что рядом с именем Лив по-прежнему стояла маленькая фотография. Она смотрела в камеру, слегка прищурившись, как будто собеседник сказал что-то неуместное.

Я хотела удалить фотографию.

Вместо этого закрыла телефон.

Через некоторое время мне позвонила Эмма.

— Марта, ты дома?

— Да.

— Можно я зайду?

— Зачем?

— Я не хочу быть одна.

Я посмотрела на часы.

— Сейчас?

— Да. Пожалуйста.

Я не хотела её видеть. Но сказала, что она может приехать.

Это было не сочувствие.

Мне хотелось знать, что она скажет.

Когда Эмма пришла, она сняла обувь, прошла на кухню и села за стол. Я поставила чайник. Она смотрела на свои руки.

— Я всё время думаю, что должна была заметить, — сказала она.

— Что именно?

— Что с ней что-то не так.

— С Лив?

Эмма кивнула.

— Она была странная вчера.

— Она всегда была странной.

— Нет, Марта. По-настоящему странной.

Я поставила перед ней чашку.

— Что произошло?

Эмма обхватила её ладонями.

— После того как ты ушла, она снова начала говорить.

— О чём?

— О том же самом.

— Что именно она сказала?

Эмма посмотрела на меня.

— Что мы все знаем, что сделали.

Я села напротив.

— Кто — мы?

— Все.

— И что именно сделали?

Она покачала головой.

— Я не знаю.

— Эмма.

— Я правда не знаю.

Я смотрела на неё.

Она была испугана. Это было заметно по тому, как она держала чашку, как часто облизывала губы, как избегала моего взгляда. Но страх не всегда означал правду. Иногда он означал, что человек не хочет отвечать. Иногда — что он уже ответил кому-то другому.

— Ты видела, кто ушёл после меня? — спросила я.

Эмма подняла глаза.

— Нет.

— Ты ведь была в прихожей.

— Да.

— Ты видела, как я уходила?

— Да.

— А потом?

Она молчала.

— Эмма, кто-нибудь ещё вышел из квартиры после меня?

Она поставила чашку.

— Я не помню.

Я кивнула.

— Хорошо.

Она посмотрела на меня так, будто ожидала другого ответа.

— Ты не сердишься?

— Нет.

Это была ложь.

Но не самая большая за сегодняшний день.

Когда Эмма ушла, я долго стояла у двери. Потом вернулась на кухню, вылила остывший чай и помыла две чашки.

Я открыла блокнот.

Записала:

Эмма говорит, что Лив после моего ухода снова начала говорить о том, что мы все знаем, что сделали.

Ниже добавила:

Эмма не помнит, кто ушёл после меня.

Я перечитала записи.

Потом написала ещё одну строку.

Я тоже не помню.

Я зачеркнула её.

Не потому, что она была неправдой.

Потому что не хотела видеть её рядом с остальными.

Глава 3. То, о чём не спрашивают

Утром в понедельник я пошла на работу.

Это показалось мне правильным. Не разумным, не необходимым, а именно правильным. Я проснулась в шесть сорок, приняла душ, выпила кофе и выбрала одежду. В семь двадцать позвонила в издательство и сказала, что буду к девяти. Мой голос звучал обычно. Я даже извинилась за то, что не ответила на письмо в пятницу.

Женщина на другом конце провода сказала, что ничего страшного.

Люди любят говорить, что ничего страшного, когда не знают, насколько страшное уже произошло.

В офисе пахло бумагой, пылью и кофе из автомата. На моём столе лежала рукопись, которую я должна была закончить ещё на прошлой неделе. Автор прислал новую версию в пятницу вечером. Я открыла файл, прочитала первые три страницы и обнаружила, что главный герой снова говорит о своём детстве.

Я закрыла документ.

Возможно, это было несправедливо по отношению к автору. Возможно, его герой действительно должен был говорить о детстве. Но я не могла больше читать о людях, которые годами пытались объяснить, почему стали такими, какие есть. Иногда человек просто становится неприятным. Не обязательно искать для этого сложную причину.

В десять пришла начальница отдела, Ханне.

Она остановилась возле моего стола и посмотрела на меня с выражением, которое я узнала сразу. Сочувствие, смешанное с любопытством. Люди редко могут отделить одно от другого. Особенно если трагедия произошла не с ними.

— Я слышала о Лив, — сказала она.

— Да.

— Мне очень жаль.

— Спасибо.

Она помолчала.

— Вы ведь были близки?

Я посмотрела на рукопись.

— Когда-то.

— Это должно быть ужасно.

Я не стала спрашивать, что именно она имела в виду. Смерть? То, что мы больше не были близки? Или то, что я всё равно пришла на вечеринку?

— Если тебе нужно взять несколько дней, — продолжила Ханне, — мы справимся.

— Не нужно.

— Марта, это не обязательно.

— Я знаю.

Она кивнула. Ей хотелось сказать что-то ещё, но она не нашла подходящих слов. Я была благодарна ей за это. Иногда отсутствие слов — единственная форма такта, на которую способен человек.

Когда она ушла, я открыла рукопись снова.

Главный герой вспоминал мать.

Я прочитала ещё страницу.

Потом вторую.

На третьей он снова вспомнил мать.

Я удалила один абзац.

В половине двенадцатого позвонил Эспен.

— Доброе утро, Марта.

— Доброе.

— Вы сейчас можете говорить?

Я посмотрела на дверь кабинета. Она была закрыта.

— Да.

— Нам нужно уточнить несколько обстоятельств, связанных с вечером в субботу.

— Я уже отвечала на ваши вопросы.

— Я помню.

— Тогда что изменилось?

Он не ответил сразу.

— Появились новые сведения.

Я отодвинула рукопись.

— Какие?

— Пока я не могу обсуждать детали по телефону.

— Тогда зачем звоните?

— Хотел узнать, сможете ли вы приехать сегодня.

Я посмотрела на часы.

— Во сколько?

— После четырёх.

— Хорошо.

— И ещё один вопрос. Вы говорили, что ушли в 23:48.

— Да.

— Вы уверены, что это было время выхода из квартиры, а не время, когда вы вызвали такси?

Я почувствовала, как внутри что-то неприятно сдвинулось.

— Я посмотрела на телефон перед выходом.

— Мы проверили данные вызова. Такси было заказано в 23:51.

— Значит, я вышла в 23:48.

— Возможно.

Он произнёс это без нажима. Почти равнодушно.

— Вы считаете, что я ошиблась?

— Я считаю, что нам нужно уточнить последовательность событий.

— Я вышла из квартиры, вызвала такси и ждала его на улице.

— Вы уже говорили об этом.

— Тогда я не понимаю, что изменилось.

— Марта, я не обвиняю вас.

Я посмотрела на собственную руку. Пальцы лежали на столе, большой палец медленно нажимал на край ногтя.

— Я этого и не говорила.

— Хорошо. Тогда до встречи.

Он отключился.

Я ещё несколько секунд держала телефон возле уха.

Такси было заказано в 23:51.

Я помнила, как стояла у подъезда. Помнила, как смотрела на окна. Помнила, что ждала машину под козырьком соседнего дома. Но не помнила, в какой момент нажала кнопку вызова.

Это не было важно.

Разумеется, не было.

Человек может ошибиться на три минуты. Это не преступление. Не признак лжи. Не даже признак плохой памяти. Я сама объясняла пациентам, что воспоминания не являются видеозаписями. Они реконструируются. Человек не извлекает прошлое из хранилища, как документ из папки. Он каждый раз собирает его заново.

Я знала это.

Я преподавала это.

И всё же мне не понравилось, что моя память вдруг стала предметом обсуждения.

В обед я пошла в кафе через дорогу.

Там было людно. За соседним столиком две женщины обсуждали чью-то свадьбу, мужчина в синем свитере долго выбирал между супом и сэндвичем. Я заказала салат и воду.

Телефон лежал рядом с тарелкой.

Я открыла переписку с Лив.

Последнее сообщение.

Ты опять уходишь.

Я закрыла.

Открыла снова.

Мне хотелось найти в нём что-нибудь, чего я не заметила раньше. Угрозу, просьбу, признание. Что-нибудь, что объяснило бы, почему Лив отправила его через восемь минут после моего ухода. Или почему она решила, что я опять ухожу, хотя мы уже давно не жили вместе, не работали вместе и не имели никаких общих обязательств.

Слово «опять» было особенно неприятным.

Оно предполагало повторение.

Предполагало, что я уже делала это раньше.

Предполагало, что она ждала.

Я положила телефон экраном вниз.

— Марта?

Я подняла голову.

Передо мной стоял Томас.

Он выглядел так, будто не спал. Под глазами были тёмные круги, воротник рубашки смялся. Он держал в руках бумажный стаканчик.

— Можно сесть?

Я не ответила сразу.

— Ты уже стоишь рядом.

Он сел.

— Ты говорила с полицией?

— Да.

— Много?

— Достаточно.

Он посмотрел на мой телефон.

— Они спрашивали про сообщение?

— Какое?

— Последнее.

Я медленно положила вилку.

— Откуда ты знаешь, что оно было?

Томас отвёл взгляд.

— Лив рассказывала.

— Что именно?

— Что вы переписывались.

— Мы все переписывались.

— Я знаю.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Он сделал глоток кофе. Руки у него немного дрожали. Я заметила это и сразу же пожалела, что заметила. Чужая дрожь вызывает неприятное желание либо помочь, либо использовать её. Иногда оба желания возникают одновременно.

— Она собиралась всё рассказать, — сказал он.

— Ты уже говорил это.

— Я не знал, что она действительно сделает.

— Что именно?

— Марта, не надо.

Я посмотрела на него.

— Не надо чего?

— Не притворяйся, что не понимаешь.

Я почти улыбнулась.

Вот это было знакомо. Человек не хочет объяснять, но уже сердится на тебя за то, что ты не поняла. Лив умела делать то же самое. Возможно, они научились друг у друга.

— Томас, я действительно не понимаю. Если ты знаешь что-то, скажи.

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— Ты ведь не сказала им про список?

Я почувствовала, что перестала слышать шум кафе.

— Какой список?

Томас закрыл глаза.

— Чёрт.

— Что за список?

— Ничего.

— Ты только что спросил, сказала ли я полиции про список.

— Я ошибся.

— В чём?

— Марта, пожалуйста.

Я откинулась на спинку стула.

Он посмотрел через моё плечо, будто искал кого-то в зале.

— Лив собирала информацию о людях, — сказал он наконец. — Не просто сплетни. Вещи, которые могли испортить жизнь.

— Чью жизнь?

— Всех.

— Всех одиннадцати?

Он не ответил.

— Ты видел этот список?

— Да.

— Где?

— У неё.

— Когда?

— Несколько недель назад.

— Почему ты мне не сказал?

Томас усмехнулся. В этой усмешке не было ничего весёлого.

— Потому что ты и так всё знала.

Я почувствовала раздражение.

— Ты постоянно говоришь так, будто мы с Лив были частью какого-то общего предприятия.

— Разве нет?

— Нет.

— Марта.

— Что?

Он наклонился ко мне.

— Ты помогала ей.

Я посмотрела на него.

Мне хотелось немедленно сказать, что это неправда. Что я никогда не помогала Лив собирать чужие секреты. Что я не знала о списке. Что он путает меня с кем-то другим.

Но прежде чем я успела ответить, Томас добавил:

— Ты же редактировала письма.

Я не произнесла ни слова.

В кафе кто-то уронил ложку. Она ударилась о пол и покатилась под соседний столик.

Томас поднялся.

— Я не могу сейчас об этом говорить.

— Ты уже начал.

— Забудь.

— Нет.

Он посмотрел на меня.

— Вот поэтому я и не хотел с тобой разговаривать.

И ушёл.

Я осталась сидеть.

Салат был почти нетронутым. Вода в стакане нагрелась. Я смотрела на пустое место напротив и пыталась понять, что именно он имел в виду.

Ты же редактировала письма.

Я редактор. Я редактировала тексты. Это моя работа.

Письма?

Какие письма?

Я знала, что Лив иногда просила меня посмотреть тексты. Сообщения, заявления, обращения, даже однажды письмо её мужу, которое она так и не отправила. Это не означало, что я помогала ей собирать компромат.

Не означало.

Я повторила это про себя.

Потом ещё раз.

И всё равно не смогла вспомнить, о каком письме говорил Томас.

В четыре часа я вернулась в участок.

Эспен ждал меня в том же кабинете. На этот раз рядом с ним сидела женщина. Она представилась как инспектор Сольвейг Нюгорд. У неё были короткие светлые волосы и внимательный взгляд. Она не улыбнулась, но и не пыталась выглядеть суровой.

— Мы хотели бы поговорить о некоторых вещах, которые нашли в доме Лив, — сказала она.

— Хорошо.

Эспен положил на стол фотографию.

На ней была гостиная Лив. Я узнала диван, окно, книжный шкаф. Снимок был сделан уже после того, как приехала полиция. На полу возле дивана лежала перевёрнутая небольшая лампа.

— Вы видели это раньше? — спросил он.

— Нет.

— Вы помните, где находилась лампа во время вечеринки?

— На столике, кажется.

— Вы уверены?

— Нет.

Сольвейг что-то записала.

— Вы видели Лив после того, как ушли?

— Нет.

— Вы с ней разговаривали по телефону?

— Нет.

— Она вам звонила?

— Не знаю.

— Вы проверяли пропущенные?

Я посмотрела на неё.

— Да.

— И?

— Ничего.

Эспен положил передо мной ещё одну фотографию.

На этот раз я увидела небольшой тёмный предмет на полу возле дивана. Он был частично закрыт краем ковра.

— Что это? — спросила я.

— Пока не будем обсуждать детали.

— Тогда зачем показываете?

— Чтобы узнать, видели ли вы его раньше.

— Нет.

Сольвейг посмотрела на меня.

— Вы можете описать, что происходило в гостиной, когда вы уходили?

— Я уже описывала.

— Нам нужно, чтобы вы повторили.

Я глубоко вдохнула.

— Лив стояла в дверях. Я взяла пальто. Эмма была в прихожей. Я надела шарф, проверила телефон и вышла.

— Кто-нибудь пытался вас остановить?

— Эмма спросила, действительно ли я ухожу.

— А Лив?

— Она спросила, приду ли я завтра.

— Вы ответили?

— Да. Я спросила, зачем.

— Что она сказала?

— «Ты знаешь».

— И вы?

— Сказала, что не знаю.

Сольвейг подняла глаза.

— Она выглядела расстроенной?

Я задумалась.

— Нет.

— Злой?

— Нет.

— Испуганной?

— Нет.

— Какой?

Я посмотрела на фотографию.

— Спокойной.

— Вы уверены?

— Да.

Я сказала это слишком быстро.

Сольвейг не стала комментировать.

Эспен убрал снимок.

— Есть ещё одна вещь. По предварительным данным, смерть Лив не была естественной.

Я посмотрела на него.

— Что это значит?

— Мы пока не можем сообщить точную причину. Но обстоятельства указывают на возможное внешнее воздействие.

Я не сразу поняла.

Или поняла, но не захотела.

— Вы хотите сказать, что её убили?

— Мы рассматриваем такую возможность.

В кабинете стало очень тихо.

Я подумала о Лив в дверях гостиной. О её золотой цепочке. О бокале на полке. О том, как она сказала: «До завтра».

Она знала, что я уйду.

Она знала, что я не вернусь.

Или не знала.

— Кто-нибудь из гостей мог это сделать? — спросила я.

Эспен посмотрел на меня.

— Мы разговариваем со всеми, кто присутствовал.

— Значит, да.

— Это значит, что мы проверяем все версии.

Я кивнула.

— А вы считаете, что это сделал кто-то из нас?

— Я не буду строить предположения.

Я посмотрела на Сольвейг.

— Но вы думаете, что кто-то из нас мог её убить.

Она не ответила.

И это был ответ.

Вечером я долго не могла уснуть.

Я лежала на спине и смотрела в потолок. За окном проехал трамвай. Потом кто-то громко засмеялся на улице. В соседней квартире хлопнула дверь.

Я думала об одиннадцати людях.

О том, что каждый из нас знал Лив по-своему. Что каждый мог рассказать о ней историю, после которой она выглядела бы другой. Возможно, даже противоположной. Для одного она была щедрой. Для другого — жестокой. Для третьего — единственным человеком, который когда-то помог. Для четвёртого — причиной, по которой он до сих пор не мог спокойно смотреть на себя.

Я думала о том, что Лив могла собрать всех не для того, чтобы извиниться.

Она могла хотеть наказать нас.

Но за что?

И почему именно тогда?

Я повернулась на бок и взяла телефон.

Сообщений от Лив больше не было. Конечно, не было. Она умерла. Телефон, вероятно, лежал в полицейском пакете. Возможно, его уже изучали. Возможно, кто-то читал нашу переписку прямо сейчас.

Я представила, как незнакомый человек листает сообщения, которые я когда-то отправляла Лив. Как он читает мои шутки, раздражённые ответы, короткие отказы. Как пытается понять, любила ли я её, ненавидела ли, желала ли ей чего-нибудь плохого.

Я открыла заметки.

Написала:

Томас сказал, что я редактировала письма.

Поставила точку.

Потом добавила:

Я не помню, какие именно.

Посмотрела на экран.

Удалять не стала.

Вместо этого открыла старую папку с документами. Там хранились рабочие файлы, письма, тексты, которые я когда-то редактировала для друзей. Я не знала, что именно ищу. Возможно, ничего. Возможно, хотела убедиться, что Томас ошибся.

Поиск по имени Лив выдал несколько файлов.

Один назывался «письмо_финал».

Другой — «текст_Л».

Третий — «без_названия».

Я открыла первый.

Это было обычное письмо. Лив обращалась к человеку, которого называла дорогим другом. Писала о разочаровании, о доверии, о том, что больше не может молчать. Внизу стояли её инициалы.

Я прокрутила текст вверх.

В правом углу документа была дата создания: 14 октября 2012 года.

Я открыла свойства файла.

Последнее изменение — 16 октября.

Автор изменений: Marta Holm.

Я долго смотрела на своё имя.

Потом открыла документ «текст_Л».

Это был другой текст. Короткий, всего несколько абзацев. Я прочитала его один раз, потом второй.

В нём не было ничего особенного. Несколько предложений о том, что человек не может бесконечно пользоваться чужим молчанием. Что однажды молчание заканчивается. Что некоторые вещи лучше сказать до того, как станет слишком поздно.

В конце стояла фраза:

Я не собираюсь больше защищать тебя от последствий твоих поступков.

Я не помнила, чтобы писала это.

Но имя автора снова было моим.

Я закрыла документ.

Потом открыла его ещё раз.

Мне хотелось найти следы правки. Выяснить, что именно я изменила, а что написала Лив. Может быть, это была обычная редактура. Может быть, я просто убрала повторы, исправила пунктуацию, переставила абзацы.

Я не помнила.

Но это не означало, что я не делала.

Я выключила компьютер.

В темноте комнаты экран ещё несколько секунд отражал моё лицо.

Я подумала, что Лив могла быть права.

Мы действительно знали, что сделали.

Просто никто из нас не собирался говорить об этом вслух.

Глава 4. Отсутствие
Нет.

Глава 5. Воскресенье

В воскресенье я проснулась в девять семнадцать.

Я знаю это, потому что посмотрела на телефон сразу после того, как открыла глаза. Не потому, что ждала сообщения. Просто иногда человек проверяет время, чтобы убедиться, что мир продолжал существовать, пока он спал. Что за ночь ничего не случилось. Что никто не умер ещё раз.

На экране было три уведомления.

Одно от издательства. Ханне прислала письмо с темой «Не торопись с возвращением», хотя я уже вернулась. Одно от неизвестного номера, рекламировавшего какие-то банковские услуги. И одно от Мадса.

«Ты можешь приехать сегодня? Нужно поговорить».

Я прочитала сообщение дважды.

Потом положила телефон экраном вниз.

Я не хотела ехать в дом Лив. Это было бы естественно — не хотеть. В доме, где человек умер, воздух становится чужим. Даже если ты никогда не любил этого человека. Даже если иногда мечтал, чтобы он исчез. Особенно если иногда мечтал.

Я не мечтала о смерти Лив.

Я мечтала о том, чтобы она перестала звонить. Перестала присылать сообщения в неподходящее время. Перестала произносить моё имя так, словно оно принадлежало ей. Я мечтала, чтобы однажды она поняла, что не все обязаны оставаться рядом только потому, что когда-то были рядом.

Это не одно и то же.

Впрочем, я подозреваю, что Лив тоже считала свои желания безобидными.

Я написала Мадсу:

«Что именно?»

Он ответил почти сразу.

«Нашёл кое-что. Думаю, тебе нужно это увидеть».

Я спросила, что именно.

Он не ответил.

Вместо этого прислал адрес. Тот же самый. Frogner. Дом, в котором я была в субботу вечером и из которого, как я утверждала, ушла до полуночи.

Я могла отказаться. У меня было множество причин. Полиция, например. Или работа. Или то, что я не была близка с Лив последние несколько лет. Можно было сказать, что Мадсу лучше обратиться к её родственникам. Можно было спросить, почему он вообще решил, что я имею право что-то видеть.

Но я уже одевалась.

Это неприятная особенность человеческой натуры: иногда мы принимаем решение раньше, чем успеваем придумать ему оправдание.

Мадс открыл дверь не сразу.

Он выглядел старше, чем в субботу. Не так, как выглядят люди после бессонной ночи. Скорее так, будто за несколько дней ему пришлось узнать о собственной жизни нечто, что он предпочёл бы не знать.

— Спасибо, что приехала, — сказал он.

— Ты написал, что нашёл кое-что.

— Да.

Он отступил, пропуская меня внутрь.

В прихожей стояли ботинки Лив. Чёрные, с узкими носами, немного потёртые с внутренней стороны. Я узнала их. Она носила их много лет, хотя могла позволить себе новые. Лив вообще любила вещи, которые уже должны были отправиться на помойку. Старые ботинки, старые обиды, старые дружбы. Она называла это верностью.

Я называла это отсутствием вкуса.

Теперь мне показалось, что ботинки выглядят так, будто хозяйка просто вышла за газетой.

— Полиция всё ещё здесь бывает? — спросила я.

— Вчера были.

— А сегодня?

— Сегодня нет.

Он произнёс это с такой интонацией, будто отсутствие полиции было чем-то постыдным.

Мы прошли в гостиную. Комната выглядела иначе. Не потому, что кто-то убрал следы вечеринки. Скорее потому, что теперь я знала, что здесь произошло нечто, о чём никто не хотел говорить. Стулья стояли на своих местах. На журнальном столике лежала стопка книг. У окна оставили бокал, в котором засохло тёмное кольцо вина.

Я посмотрела на пол.

Мадс заметил.

— Её нашли не здесь, — сказал он.

— Я не спрашивала.

— Но ты посмотрела.

Я повернулась к нему.

— Ты позвал меня, чтобы обсудить мои взгляды на мебель?

Он не улыбнулся.

Это было первое, что мне в нём не понравилось. Мадс всегда умел улыбаться в неудобных обстоятельствах. Не искренне, конечно. Но достаточно убедительно, чтобы люди начинали говорить о погоде.

— Я нашёл папку, — сказал он.

Он достал её из нижнего ящика комода. Обычная серая папка с металлическим зажимом. На ней не было названия. Только маленькая наклейка с датой: 14.09.

Я знала эту дату.

Не сразу. Сначала увидела цифры, потом почувствовала, как что-то неприятно сжалось под рёбрами.

Четырнадцатое сентября.

Четыре года назад.

— Что это? — спросила я.

— Не знаю. Лив хранила её отдельно.

— Тогда почему ты думаешь, что я знаю?

— Потому что внутри есть твоё имя.

Он положил папку на стол и открыл.

В ней лежали распечатанные письма. Некоторые были сложены пополам. На нескольких страницах стояли пометки карандашом. Почерк Лив я узнала сразу: маленькие буквы, почти без наклона, слишком ровные для человека, который так часто говорил, что ненавидит порядок.

На первом листе было написано:

«Я не собираюсь больше защищать тебя от последствий твоих поступков».

Та самая фраза.

Я видела её на своём компьютере накануне. В документе без названия. Тогда я решила, что это могло быть письмо Лив, которое я редактировала. Или черновик. Или что-то, что я когда-то написала сама.

Теперь она лежала передо мной на бумаге.

Внизу стояла дата.

14.09.

И инициалы: М.Х.

— Это ты писала? — спросил Мадс.

— Не знаю.

— Марта.

— Я сказала, что не знаю.

Он посмотрел на меня так, будто я намеренно усложняла простую вещь.

Может быть, так и было.

Я взяла лист. Поднесла ближе к свету, хотя прекрасно видела текст. В правом верхнем углу был маленький знак редакторской правки. Двойная черта под словом «последствий». Моя привычка. Я всегда подчёркивала слова, которые казались мне слишком общими.

— Это моя правка, — сказала я.

— Значит, ты помнишь.

— Я помню, как редактирую текст. Не обязательно помню, что именно редактировала четыре года назад.

— Ты работала над письмом Лив?

— Возможно.

— Для кого оно было?

Я посмотрела на него.

— Ты её муж. Ты должен знать.

— Я спрашиваю тебя.

В этом и заключалась проблема с Мадсом. Он задавал вопросы так, будто не замечал, что уже выбрал ответ.

Я перевернула страницу.

Дальше шла переписка. Несколько писем, распечатанных с электронной почты. Адрес отправителя был скрыт чёрной полосой. Адресата тоже. На полях стояли короткие пометки: «не отправлять», «слишком прямо», «оставить», «не сейчас».

На последней странице была фраза:

«Если ты скажешь это первой, я не смогу тебя защитить».

Я почувствовала, как в горле пересохло.

— Кто это написал? — спросила я.

— Ты мне скажи.

— Я не знаю.

— Ты была редактором.

— Я была редактором в издательстве. Это не значит, что я редактировала каждую бумажку, которую Лив держала в доме.

— Она сказала, что ты помогала ей.

— Когда?

Мадс помолчал.

— В субботу.

Я подняла голову.

— Что?

— Она говорила о тебе в субботу. Перед тем, как все начали расходиться.

— Что именно?

— Что ты помогла ей написать несколько писем.

— Кому?

— Она не сказала.

— А ты не спросил?

— Я спросил. Она ответила, что я и так всё знаю.

Я отвернулась к окну.

За стеклом шёл мелкий дождь. В саду стояла пустая скамейка. На спинке лежал мокрый лист. Всё выглядело до нелепости обыкновенно. Я вдруг подумала, что смерть Лив должна была изменить хотя бы погоду. Не обязательно сильно. Достаточно было бы, чтобы дождь стал чёрным или деревья начали падать. Но дождь оставался дождём, а листья — листьями.

— Ты сказал, что нашёл кое-что, — произнесла я. — Но ты не сказал, почему решил показать это мне.

Мадс закрыл папку.

— Потому что она оставила ещё одно сообщение.

— Где?

— На телефоне.

— Полиция его видела?

— Не знаю.

— Мадс.

— Я не уверен, что они видели всё.

Он впервые за весь разговор посмотрел на меня не как на человека, которого нужно расспросить, а как на человека, которому можно что-то доверить. Я не знала, что хуже.

— Что за сообщение?

Он достал телефон, нашёл что-то и протянул мне.

На экране была открыта заметка. Без даты создания. Без заголовка. Просто несколько строк.

«В воскресенье она придёт.

Если не придёт, значит, снова решила, что это не её дело.

Но это её дело.

Она была там с самого начала».

Я перечитала текст.

Потом ещё раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.